

А. В. Скрябина

**ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ
ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО
В РАССКАЗЕ «МИКЕША» Н. КОНОНОВА**

Анализируются мифо-фольклорные представления, формирующие семантический ореол имени собственного в рассказе, и связь антропонима с идейно-тематическим и сюжетным уровнями произведения. Делается вывод о смысловой, функциональной и аксиологической нагрузке имени собственного.

This article analyses the mythological and folklore concepts affecting the semantics of proper names in the short story, as well as the connection between the anthroponym and the thematic and plot levels of the work. The author identifies the meaning, functional, and axiological elements of the proper name.

Ключевые слова: Н. Кононов, имя, миф, мифопоэтика, двойничество.

Key words: N. Kononov, myth, mythopoetics, doppelgangers.

Проблема соотношения имени и сущности — одна из основных в картине мира Н. Кононова. В книге «Критика цвета», посвященной различным явлениям старого и нового изобразительного искусства, Н. Кононов пишет: «Видя многое, мы часто не видим ничего дальше и кроме ширмы их [сущностей] поверхности. Что-то мешает нашему пониманию и познанию. Мы не знаем имени. Мы не можем позвать того, кто там» [3, с. 18]. Здесь Н. Кононов практически повторяет мысль А. Ф. Лосева: «...мышление, восприятие, ощущение, чувствование и т. д. вещей только и возможно при помощи их имен, через эти имена» [5, с. 183].

В данной статье мы рассмотрим особенности семантической структуры антропонима *Микеша* в одноименном рассказе Н. Кононова. Название рассказа можно отнести к типу заглавий-антропонимов. «Заглавие — имя текста. Антропоним — имя персонажа, то есть один из элементов этого текста. Заглавие-антропоним именуется одновременно и элементом, и целое. Таким образом, заглавие-антропоним формирует установку на предпонимание всего текста» [13, с. 113]. Использование Н. Кононовым в заглавии антропонима, имеющего мифологическую, сакральную, фольклорную, поэтическую историю употребления, основывается на возможности взаимодействия устоявшихся ассоциаций с контекстом. Культурный фон такого имени становится средством раскрытия идеи художественного произведения. Следует отметить, что именно этим небольшим, но очень непростым для понимания рассказа «Микеша» заключается книга «Магический bestiарий». Сложность рассказа «Микеша» заключается в том, что Н. Кононов, по собственному признанию, «хотел написать не “эпизод” с началом и концом, именами и др[угим] правдоподобием, а проложить пунктир, находящийся в вечном становлении, пересказать миф...» [4].

В произведениях Н. Кононова имена никогда не бывают случайными, «выбор имен для персонажей — это один из элементов моделирующей системы» [12, с. 131]. В рассказе «Микеша» герои разговаривают и ведут себя как на сцене, будто актеры, выступающие в определенных амплуа: «властная жена», «муж-подкаблучник», «послушный мальчик». Обратим внимание на то, что в рассказе мать и ребенок не названы по имени. Безымянность героев подвергает сомнению сам факт их существования; скорее они порождение галлюцинации, миражи, фантомы, а не люди, поэтому и не нуждаются в имени. «Имя собственное свойственно только человеку и функционирует только в человеческом обществе» [10, с. 372]. Следует заметить, что «роль безымянности с функцией безличности может играть также и имя» [12, с. 146]. Таково имя *Павел*. В переводе с греческого языка *Павел* означает ‘малый’ [6, т. 2, с. 272]. В рассказе Н. Кононова *Павел* — хозяин дома и отец ребенка, но при этом не является главой семьи, он полностью подчиняется жене и назван «певцом за сценой» [2, с. 11].

В рассказе представлена «трафаретная система действующих лиц» [10, с. 216]: каждый персонаж является двойником другого, а в конечном счете все они выступают двойниками *Микеша* — некоего таинственного существа, которым родители, особенно мать, пугают провинившегося ребенка.

Антропоним *Микеша* является уменьшительной формой имени *Никифор*, что в переводе с греческого языка означает «победоносный, по-

бедитель» [7, с. 166, 322]. Обратим внимание на то, что в этих именах происходит чередование начальных сонорных согласных [n] и [m]. Переход [n] в [m] в начальной позиции отмечается и в ряде других антропонимов (например, Никита — Микита, Никанор — Миканор, Никодим — Микодим и т.д.), в том числе и в именах Николай — Миколай. В работе «Филологические разыскания в области славянских древностей» Б. Успенский пишет: «...распространение данного фонетического признака (билабиальности начального сонорного согласного)... само по себе достаточно знаменательно: по всей видимости, оно свидетельствует о том, что произношение с билабиальным сонантом воспринималось некогда как признак сакральности (черта сакральной фонетики)» [11, с. 18–19]. Необходимо отметить, что в старопольском языке в XV в. была зафиксирована форма *Mityfor*, которая соотносилась не столько с именем Никифор, сколько с именем Николай [11, с. 30]. В переводе с древнегреческого Николай — «побеждающий народ». Таким образом, из-за близкой семантики происходит отождествление имени Никифор с Николаем. Это связано с тем, что святой Николай Чудотворец (Угодник, Мирликийский) у славян занимал особенное место среди прочих святых. Более того, у славян культ Николая в какой-то мере отражает культ архангела Михаила [11, с. 20]. Показательно, что такие формы, как *Michola*, *Misz* (*Mysz*), *Miszka*, *Miszec*, *Miszek*, *Miska* и т.п., выступают в старопольском языке как формы имени Николай [11, с. 30].

Антропоним *Микеша* по своему фонетическому содержанию имеет сходство с такими русскими уменьшительно-ласкательными формами имени *Михаил*, как *Миша*, *Мика*. В контексте Ветхого Завета Михаил — старший посланник Всевышнего, защитник народа Израиля, «архистратиг» — предводитель небесного бесплотного воинства в битве против сил зла. Следует отметить, что св. Николай часто фигурирует как невидимый благодетель, помогает так, чтобы его никто не заметил. В рассказе Н. Кононова *Микеша*, как и архангел Михаил и св. Николай, — существо мифическое, невидимое, его основная функция — поддержание божественного порядка.

Религиозная традиция приписывает Михаилу победу над сатаной, который в иконописной традиции изображался как змей. Отметим, что св. Николай тоже предстает как умертвитель змея. Так, в прологе XIV в. Погодинского собрания говорится о Николе, что он «змия умртва угнездившася подъ некимъ селомъ пакости деюща»; в украинской сказке Николая является помощником молодого купца против змея [11, с. 28]. Змееборческий мотив наиболее ярко реализуется в Чуде Георгия о Змии. Иконография Георгия Победоносца (во второй части имени святого, как и в антропониме *Микеша*, актуализирована семантика победы) очень близка иконографии архангела Михаила. «Вероятно, что версия победы Георгия над змеем с помощью молитвенного слова навеяна стихом из Апокалипсиса 12: 11, относящимся к битве с драконом: “Они победили его кровию Агнца и словом свидетельства своего...”» [9, с. 90]. Обратим внимание на то, что в христианстве змееборчество приобретает прежде всего эсхатологический характер, т.е. причастно к ситуации конца истории и символизирует последнюю битву добра со злом

[9, с. 89]. В рассказе Н. Кононова упорядоченный мир героев на грани гибели, их жизнь перетекает в «хаос прошедшего времени» [2, с. 9]. В христианской традиции Апокалипсис, последние времена, тесно связан с темой Страшного суда.

Помимо миссии воинственного заступничества архангел Михаил выступает в роли судьи на Страшном суде, на который он призовет души трубным гласом: «И восстанет в то время Михаил, князь великий, стоящий за сынов народа Твоего; и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени; но спасутся в это время из народа Твоего все, которые найдены будут записанными в книге» (Дан. 12: 1). В рассказе Н. Кононова *Микеша* тоже выступает в роли судьи и карателя:

– Милая мамочка, я прошу прощения у тебя и у *Микешки* за то, что я рассыпал «леголенд» с пиратиками...

– *Микеша* тебя не прощает, так как ты нарушил порядок. Он даже передал, что собирается прийти и наказать тебя.

В ответ раздался сдавленный писк [2, с. 11].

Действие в рассказе разворачивается по законам космогонического мифа, который у Н. Кононова представлен в трагедийном виде. «Космос характеризуется “временностью” не только в своем начале (поскольку он возник), но нередко и в конце, когда он должен погибнуть в результате некоего катаклизма (вселенского потопа, пожара) или постепенного снашивания, “срабатывания” космического начала в хаосе» [6, т. 2, с. 10]. Поэтому рассыпание «леголенда» мальчиком мыслится как поступок космического характера. Слово «леголенд» состоит из латинского *lego* ‘собирать’ [8] и английского *land* ‘земля’. «Леголенд с пиратиками» представляет собой уменьшенную копию *Pirate Land*, одной из зон Биллундского парка развлечений, практически полностью построенного из конструктора LEGO. Рассыпая «леголенд», мальчик восстает против существующего порядка, он пытается разрушить землю, мир, в котором живет. Несоблюдение порядка, нарушение запрета неминуемо должно вызвать гнев *Микешки*. Обратим внимание, что в имени мифического персонажа Н. Кононова содержится суффикс *-ш-*. С помощью этого суффикса образуются уменьшительно-ласкательные формы имен собственных (например, *Александр* – *Саша*, *Мария* – *Маша*, *Дарья* – *Даша* и т.д.), которыми обычно называют детей или хорошо знакомых взрослых людей. Так Н. Кононов, используя сокращенную форму имени, низводит судью и карателя *Микешу* до уровня детского кошмара. *Микеша* принадлежит миру ребенка, его можно поставить в один ряд с такими хорошо знакомыми с детства персонажами, как *Бабай/Бабайка*, *Бука*. Таким образом, происходит развенчание образа *Микешки*, он – вымысел, пугало, порождение страха.

Мы уже обращали внимание на то, что в рассказе Н. Кононова представлена «трафаретная система действующих лиц» [14, с. 216]. Подобная система подразумевает способность персонажей «замещать» друг друга, присваивать себе чужие свойства: «Иван может перестать быть Иваном, а Иваном станет тот, кому он передает свое имя...» [14, с. 216]. В рассказе происходит интересная трансформация пары «каратель и его жертва» в пару «бог и его порождение». *Микеша*, несмотря

на свою мифическую сущность, обладает абсолютной властью над мальчиком. Ребенок постоянно живет в ожидании наказания. Для того чтобы лишний раз не привлечь к себе внимание, он старается быть незаметным. Его тихий голос напоминает мышинный писк: *сдавленный писк, запищал, пропищав* [2, с. 11, 14]. Таким образом, с одной стороны, *Микешу* можно уподобить Богу-Громовержцу, который обращает своих детей заслушание в мышей, крыс и кротов [10, с. 274], с другой — Аполлону Сминтаю (Мышиному), охраняющему урожай и поэтому часто изображаемому с мышами или с ногой, поставленной на мышь. «...Аполлон был не только охранителем от мышей, их истребителем и гонителем, но и их покровителем. Не исключено, что некогда сам Аполлон представлялся как бог-мышь, откуда позже — его ипостась бога мышей» [10, с. 277]. Итак, паре *Аполлон — мышь* соответствует пара *Микеша — мальчик*. Н. Кононов — писатель, активно использующий мультиязыковой игровой код (термин М. А. Дмитриевской). Мы уже обращали внимание на то, что антропоним *Микеша* по своему фонетическому содержанию имеет сходство с русскими уменьшительно-ласкательными формами имени *Михаил*, например *Миша, Мишка*. В болгарском языке слово «мишка» означает «мышь», а «мишле» в переводе на русский язык — «мышонок» [1]. Болгарское слово «мишка» является омонимом формы имени Михаил — *Мишка*, а «мишле» по своему фонетическому содержанию имеет сходство с французским *Michel* (Мишель). Ребенок, уподобляясь мыши, становится двойником, земным отражением божественного Микеша. И хотя в рассказе мальчик никак не назван, можно предположить, что его фантомное, табуированное имя — *Миша*.

Итак, в модели мира Н. Кононова имя собственное вызывает различные ассоциации и за счет семантики и этимологии, и за счет своих формальных свойств (звучание, морфология), и за счет бытующей ценностно-стилистической шкалы имени. Таким образом, имя собственное не только обладает смыслом, но и никогда не бывает случайным.

Список литературы

1. *Димитрова Лиляна*. Болгарско-русски речник. Варна, 2000.
2. *Кононов Н.* Магический bestiарий. М., 2002.
3. *Кононов Н.* Критика цвета. СПб., 2007.
4. *Кононов Н.* Письмо А. Скрябиной от 27 февраля 2011 г. // Архив автора.
5. *Лосев А. Ф.* Имя. СПб., 1997.
6. *Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т.* М., 1988.
7. *Петровский Н. А.* Словарь русских личных имен. М., 1966.
8. *Петрученко О.* Латинско-русский словарь. СПб., 2003.
9. *Сендерович С. Я.* Георгий Победоносец в русской культуре: страницы истории. М., 2002.
10. *Топоров В. Н.* «Музы»: имя и предыстория образа // Из работ московского семиотического круга. М., 1997.
11. *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М., 1982.
12. *Фарино Е.* Введение в литературоведение. СПб., 2004.

13. Фоменко И.В., Минько О.Н. Имя текста и имя в тексте // Имя текста, имя в тексте: сб. науч. тр. Тверь, 2004.

14. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.

Об авторе

Алиса Вадимовна Скрябина — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, e-mail: alice-lem@yandex.ru

About author

Alisa V. Skryabina, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, e-mail: alice-lem@yandex.ru